

ПЛАТОНЪ И ФИЛАРЕТЪ, МИТРОПОЛИТЫ Московскіе.

(Сравнительная характеристика ихъ нравственнаго облика ¹⁾).

Ваше Преосвященство,
Мм. Гг.

Когда родная семья вспоминаетъ своего отца, его образъ предносится ей такимъ, какимъ она привыкла видѣть его подъ кровлей родного дома, среди заботъ и трудовъ о счастья родной семьи, въ простотѣ и непосредственности общенія домашняго быта.

Эта школа, въ которой мы сейчасъ собрались почтить память знаменитаго русскаго іерарха, была создана имъ на склонѣ лѣтъ своихъ, какъ духовная семья, которой онъ отдалъ себя и свое сердце, какъ отецъ родной семьѣ. Это не метафора, не гипербола, это фактъ, несомнѣнный историческій фактъ, засвидѣтельствованный всеннытующимъ окомъ историка ²⁾.

Вотъ почему для этой школы и для всѣхъ, связанныхъ съ нею узами духовнаго родства, больше всего дорогъ образъ митр. Платона не въ величиніи іерархическаго служенія, но въ простотѣ того быта, который онъ велъ здѣсь, въ своей любимой Впчаніи.

¹⁾ Рѣчь, произнесенная (въ сокращеніи) на торжественномъ актѣ Впчанской духовной семинаріи 11 ноября 1912 г. въ память столѣтней годовщины со дня кончины митрополита Платона.

²⁾ См. рѣчь прот. А. А. Бѣляева: „Митрополитъ Платонъ, какъ строитель національной духовной школы“. Богосл. Вѣстн., 1912 г., декабрь. Относящіяся сюда статьи его же въ „Душ. Чит.“ разныхъ годовъ перечислены въ нашей статьѣ: Объ изученіи жизни и трудовъ и чествованіи памяти Платона, митрополита Московскаго. Богосл. Вѣстн. 1912 г., май.

Здѣсь дорогъ его образъ въ изношенномъ китайчатомъ полукафтанѣ, въ соломенной шляпѣ на головѣ, въ туфляхъ на босую ногу: здѣсь съ наибольшей любовью помнится онъ на хорахъ созданнаго имъ храма, правящимъ клиросную должность, читающимъ часы и апостоль, подающимъ кадило и теплоту; у воротъ монастырскихъ бесѣдующимъ со старцами монастырскими и богадѣленными, шествующимъ пѣнкомъ по окрестнымъ рощамъ въ дружеско-отеческой бесѣдѣ съ наставниками и питомцами созданной имъ школы...

Здѣсь самая дорогія реликвиѣ—бѣдная соломенная шляпа, оставленная въ монастырскихъ кельяхъ незабвеннаго іерарха, краткія помѣтки на рукописяхъ, автографахъ и книгахъ, завѣщанныхъ дорогому дѣтищу — семинаріи: „все то писано моею рукою... хранить въ библиотекѣ Виѣанской семинаріи“..., и скромная гробница съ составленной самимъ архипастыремъ надписью: „здѣсь погребенъ тѣломъ Пресвященный Платонъ, митрополитъ Московскій, архимандритъ Троицкія Лавры и сея Виѣанскія обители и при ней семинаріи основатель“. На этихъ и подобныхъ скромныхъ реликвияхъ, которыя хранитъ Виѣанія, ярче всего лежитъ печать особой близости *сердца* незабвеннаго архипастыря. Эти и подобныя реликвиѣ ярче всего свидѣтельствуютъ, что человекъ, который создалъ Виѣанію, отдалъ ей не только свой трудъ, но и свое сердце. И оно-то, въ своемъ сокровенномъ біеніи, есть самое дорогое для Виѣаніи и этой школы, самое для нея дорогое изъ того, что исторія связываетъ съ именемъ Платона.

На этомъ - то самомъ дорогомъ для всѣхъ, связанныхъ съ этой школой дорогими узами духовнаго родства—на *священной тайнѣ сердца митрополита Платона* я и позволю себѣ остановить вашъ благоговѣнный взоръ.

* * *

Тайна сердца—это тайна внутреннихъ движеній и порывовъ души, результатомъ которыхъ являются человѣческія дѣла, малыя ли, великія ли; это — тайна того жизненнаго идеала, предъ которымъ молится сердце въ сокровенныхъ тайникахъ своихъ, какъ предъ самою дорогою святынею жизни, и въ даръ которому приносить все силы души и тѣла, которому оно, правда, по временамъ въ безсиліи измѣ-

няетъ, но послѣ паденій съ тѣмъ большею силою снова влечется и, пытаясь воплотить во вѣѣ, налагаетъ печать индивидуальности на весь дѣла жизни.

Дѣла жизни сто лѣтъ назадъ въ этотъ самый день и почти вотъ въ этотъ самый часъ почившаго знаменитаго русскаго іерарха настолько велики, что и самъ онъ заслуживаетъ имени великаго іерарха русской церкви.

Въ исторіи русской церкви новаго времени на протяженіи двухъ столѣтій среди ея дѣятелей есть только два имени, съ которыми не можетъ равняться по историческому значенію ни одно другое: это Платонъ и Филаретъ, митрополиты московскіе. Платонъ и Филаретъ—учитель и ученикъ, это какъ бы два великія солнца, предъ которыми все другіе дѣятели русской церковной исторіи новаго времени только лишь звѣзды. Но между собой эти два солнца настолько близки по своей величинѣ и силѣ блеска, что не знаешь, и кажется невозможнымъ опредѣлить: какое больше, какое сильнѣе свѣтомъ, чѣмъ одно отличается отъ другого. Платонъ и Филаретъ—это двѣ преемственно смѣняющіяся эпохи въ исторіи русской церкви—въ исторіи русской церковной мысли и жизни. Эти двѣ эпохи смѣняются одна другую, сливаясь непримѣтно въ одно непрерывное почти столѣтнее цѣлое, преобразившее съ корня весь строй церковной жизни. Время, прошедшее отъ смерти Филарета, конечно, наложило и свою печать на церковное наследіе жизни и дѣятельности двухъ великихъ іерарховъ и даже очень глубокую, но все же, куда бы вы не обратили свой взоръ въ современномъ строѣ русской церковной жизни, всюду и вездѣ вы встрѣтитесь съ дѣломъ жизни Платона или Филарета, или обоихъ вмѣстѣ...

Особенно ярко это чувствуется въ первопрестольной Москвѣ, гдѣ каждый изъ нихъ святительствовалъ столько, сколько ни одинъ изъ московскихъ архипастырей новаго времени: Платонъ 37 лѣтъ (съ 31 января 1775 г.), Филаретъ 46 лѣтъ (съ 3-го іюля 1821 г. по 19 ноября 1867 г.), оба вмѣстѣ—83 года.

Войдете ли вы въ Чудовъ монастырь въ Кремлѣ, чтобы преклониться предъ ракой святителя Алексія, вы увидите тамъ среди убранства церковнаго много такого, что носитъ явную печать дѣла рукъ послѣ платоно-филаретовской эпохи. Но у той же раки святителя Алексія вы увидите саккосъ и

другія святительскія одежды митр. Алексія; попробуйте поинтересоваться: откуда они здѣсь, и вы узнаете, что ихъ отыскала и положила сюда со многими заботами и препятствіями заботливая рука митр. Платона ¹⁾; поинтересуйтесь дальше, чьею рукою возсозданъ монастырь въ своей основѣ, и вы услышите—рукою все того же архипастыря. Подойдете ли вы къ покоямъ митрополитовъ московскихъ на Троицкомъ ли подворьѣ, въ Чудовѣ ли монастырѣ, въ загородномъ ли Черкизовѣ, вы замѣтите признаки капитальныхъ перестроекъ новаго, нашего времени, но все это—перестройки на основаніи, закрѣпленномъ трудами митр. Платона ²⁾. Не

¹⁾ Въ автобіографіи м. Платонъ пишетъ: въ семь 1805 году случилось для митрополита удовольственное, что утварь чудотворца Алексія: сажокъ, подризникъ, епитрахиль и крестъ, коимъ до нынѣшняго года прошло 441 года, которая утварь вся скрыта была въ Патріаршей ризницѣ, по просьбѣ Платона, и по соизволенію Государя Императора, отдана въ Чудовъ монастырь, гдѣ мощи Чудотворцовы опочиваютъ и митрополитъ возымѣлъ желаніе, посохъ поставивъ при гробѣ Чудотворца, а и прочую его утварь выставить для народнаго зрѣнія и удовольствія, въ особомъ открытомъ шкафѣ, воалѣ самого гроба (См. Снегирева „Жизнь московскаго митрополита Платона. Изд. 4-е. М. 1891, стр. 252. Существуетъ отдѣльное изданіе Автобіографіи С. К. Смирнова). „Обрадованъ я, пишетъ Платонъ въ письмѣ викарію Августину отъ 12 февраля 1805 г., что облаченіе святителя Алексія дозволено въ Чудовѣ выдать, какъ пишутъ изъ Пѣтера. Но вмѣсто того просятъ подворья на Фонтанкѣ для архіереевъ... (Письма Платона м. Московскаго къ преосвященнымъ Амвросію и Августину. Съ примѣчаніями С. Смирнова. М. 1870 г., стр. 102).

²⁾ „Надлежитъ сказать, пишетъ Платонъ въ автобіографіи, о хозяйствѣ Московскаго Архіерейскаго дома, не только нельзя было въ немъ жить, но и ничего почти въ немъ не было; и онъ привужденъ былъ жить на подворьѣ Троицкомъ, что у Сухаревой башни. Ибо во время мятежа бывшаго въ 1771 году, и убіенія Архіерея, Архіерейскіе покои были внутри разорены и разграблены: такъ же и конюшня и экипажъ весь. А между тѣмъ, по небытіи до 1773 года хозяина, не безъ того, что и отъ другихъ, или запущено, или недостатокъ и умноженъ. Заботило сіе Платона. Пожаловала Императрица безъ просьбы, сама собою на построеніе новаго дома 40000 р. И онъ построилъ новый домъ, въ томъ видѣ, въ коемъ онъ теперь зрится всѣми. Такъ же и въ церквахъ Чудовскихъ, все поправилъ и украсилъ; и ризницу весьма всякою утварью умажилъ, которая до того времени весьма была недостаточна: какъ то сіе всякъ видѣть можетъ, кто волюбываетъ узнать, что до Платона въ Чудовскихъ церквахъ и въ ризницѣ было, и что при немъ было... Такъ же не оставилъ и загороднаго Черкизовскаго дома, который былъ крайне запущенъ, и къ паденію склоненъ. Онъ его возобновилъ во всемъ прстроилъ, новые построилъ служ-

говорю уже о Троицкой Лаврѣ: здѣсь ¹⁾, можно сказать, трудно указать, что бы не было Платоново или Филаретово ²⁾.

И совершенно точно такъ же попробуйте разобрать по составнымъ элементамъ нашу наличную богословскую науку, наличный строй духовной школы, наличный церковный строй, и вы откроете, что то идетъ отъ Платона, а то отъ Филарета. Наслѣдіе Платона и Филарета здѣсь усложнено новыми элементами, то положительными, то отрицательными, конструировано поновому, но и въ этой новой, болѣе сложной конструкции, дѣло Платона—Филарета лежитъ всюду краеугольнымъ камнемъ.

Первоклассные умы, первоклассные историческіе дѣятели съ выдающимся историческимъ значеніемъ въ исторіи русской церкви новаго времени—таковы эти два іерарха Платонъ и Филаретъ—учитель и ученикъ—по величію дѣлъ жизни своей ³⁾. Здѣсь, можно сказать, они нераздѣльны. Это два одинаковыхъ солнца, или лучше даже, одно и то же великое солнце.

Но есть солнце лѣтнее, и есть солнце зимнее... Дѣйствіе

бы, садъ въ порядокъ привелъ, и кругомъ обнесъ оградою каменною. Возобновилъ прорвавшійся прудъ, поставилъ мельницу,—и прочее, что все исчислять трудно. И все сіе производилъ коштомъ монастырскимъ; ибо, при заведеніи вѣрнаго и добраго хозяйства, доходы весьма, противу прежняго, умножились. И на все устроеніе слишкомъ доставало (Автобіографія изд. Снегирева, стр. 231).

¹⁾ Получаявъ на оную (Троицкую Лавру) до 30000 р. построилъ, вмѣсто ветхой старой, новую ризничную палату, сдѣлалъ новый иконостасъ, обложилъ весь серебромъ, въ Троицкомъ соборѣ, и росписалъ по стѣнамъ на золотѣ; то же и въ трапезной церкви, и у Никона, и у Михея, и въ Сочественской церкви, вездѣ новые иконостасы, и вновь росписавъ стѣннымъ писаніемъ и въ больничной церкви новый иконостасъ, и у Смоленской вновь росписавъ по стѣнамъ и крыльцо новое у Успенскаго собора и двѣ палатки новыя, Серапіоновскую и Максимовскую, и оградивъ оградою каменною Корбуху и садъ, что при Лаврѣ, и другія многія сдѣлавъ постройки и поправки, что все исчислить подробно не безъ трудности, да и въ печатномъ Лавры описаніи то усмотрѣть можно (Автобіографія, стр. 232).

²⁾ О слѣдахъ дѣятельности м. Платона въ церковномъ бытѣ Московской епархіи см. особенно Снегиревъ, Жизнь, ч. I стр. 42—45.

³⁾ Литература по характеристикѣ дѣятельности м. Платона указана въ нашей упомянутой статьѣ; Объ изученіи жизни и трудовъ и чествованіе памяти Платона м. Московскаго.

ихъ по существу одно и то же, и плоды нераздѣлимы, но одно животворить и грѣбеть, а другое животворить, но не грѣбеть. Таковы Платонъ и Филареть въ своей дѣятельности.

Почему? Отчего? Въ чемъ тайна этого индивидуальнаго различія?

Это тайна ихъ сердца, тайна жизненнаго идеала, которому молились ихъ сердца.

I.

Святую своего сердца, сущность своего жизненнаго идеала м. Платонъ начерталъ въ одной изъ своихъ проповѣдей у святц. гробницы преп. Сергія.

Останавливаясь на словахъ евангелія: „пріидите ко мнѣ, труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возьмите иго мое на себе, и обряцете *покой* душамъ вашимъ“, м. Платонъ говоритъ:

„Сей гласъ Евангельскій всѣхъ праведныхъ столь возжегъ сердца, что они не давали сна очамъ своимъ, и рѣсницамъ своимъ дреманія, доколѣ не обрѣли покоя сего. Но... *сей покой не состоитъ въ томъ, чтобы оставить всѣ мірскія должности и попеченія*, то есть, чтобы оставить домъ, жену, дѣтей, промыслы, и удалиться въ уединенное мѣсто. Нѣтъ. Сіи попеченія намъ отъ праведной судьбы назначены: въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой... Да они же не токмо не отводятъ отъ спасенія, но и суть средствомъ ко спасенію: ибо исправленіемъ должности своея пользуемъ мы общество, и воспитаніемъ дѣтей приготавлиемъ добрыхъ гражданъ... Да и примѣтите вы въ Евангеліи: оно, призывая насъ къ покою, тотчасъ придаетъ: „возьмите иго Мое на себе“. Вотъ иго: и хотя сказано „иго Мое“, а не мірское; но всякій трудъ, всякое попеченіе, по учрежденію Божію отправляемое, съ пользою своею и общею, есть иго Божіе.

И не можетъ извиниться таковой, что онъ вмѣсто того будетъ упражняться въ единой молитвѣ и богомысліи. Ибо одно дѣло Божіе другому подрывомъ служить не должно, и сіи дѣла суть совмѣстны: одно другому не только не противно, но и одно другому помогаетъ 1)...

1) Поучительныя слова при Высочайшемъ Дворѣ Ея Императорскаго Величества благочестивѣйшія великія Государыни Екатерины Алексѣевны,

Правда, Евангеліе заповѣдуетъ отреченіе себя: иже хоцетъ по Мнѣ итти, да отвержется себе.

„Отрещись самого себя, разсуждаетъ Платонъ въ другой проповѣди, повидимому есть вещь невозможная; ибо кажется что въ семъ заключается нѣкоторое противорѣчіе, чтобы быть мнѣ самому, и отрещись мнѣ же самого себя. А хотя бы и можно было, то опять, кажется, не должно. Ибо отрещись самого себя, видится, что надобно бы было отказаться отъ тѣхъ Создателевыхъ законовъ, на которыхъ движенія нашего тѣла и души основаны. Такія Святого Писанія недовольно ясныя мѣста, есть ли надлежаще истолкованы не будутъ, бываютъ для другихъ случаевъ къ соблазну.

Приведенное нами о отверженіи себя Христово слово одни толкують, что отрещись отъ себя есть: всѣ склонности, не дѣлая между ними справедливаго различія, умерщвлять и изсушать, такъ сказать, источникъ человѣческихъ дѣйствій“, что „должны мы пренебрегать жизнь сію, что, помышляя единственно о будущей жизни, куда ведетъ насъ евангеліе, аки бы не должны мы какое либо о жизни сей имѣть попеченіе, и желать дабы она скорѣе прешла, аки для насъ ненужная или вредная ¹⁾. Другіе думаютъ, что нельзя отрещись самого себя, развѣ себя удалить отъ всякаго съ людьми сообщенія и оградиться горами отъ опасности мірскихъ соблазновъ. Иные, толкуя оное жъ слово, разсуждаютъ, что для отверженія себя не довольно исполнять обязательства, какія мы на себя приняли, вступая въ число благословеннаго христіанства; но надобно еще себя обременять другимъ, не знаю чѣмъ; и для того оное Христово слово, чтобы отрещись себя, относить не до всѣхъ обще-христіанъ, но токмо до нѣкотораго извѣстнаго людей состоянія ²⁾.

Такія и подобныя толкованія, по мнѣнію Платона, „ни съ духомъ Евангелія, ни съ намѣреніемъ Господа нашего ни мало не сходственны ³⁾; они даютъ случай остроумнымъ, по-

самодержицы Всероссийскія и въ другихъ мѣстахъ съ 1763 года по 1780 годъ сказанныя Его Императорскаго Высочества Учителемъ и Придворнымъ Проповѣдникомъ... Платономъ, архіепископомъ Московскимъ и Калужскимъ. Т. IV, стр. 113—115. М. 1780.

1) Поучительныя слова, XVIII стр. 200.

2) Ср. XII, 24.

3) XVIII, 203.

длинно, но не довольно разсудительнымъ людямъ, не свято думать о истинѣ христіанской, вмѣсто того, чтобы такъ думать о несправедливыхъ ея толкователяхъ...

„Такового ученія въ свѣтѣ не было, чтобы о житейскихъ нуждахъ никакова не имѣть попеченія: да и быть не можетъ“ ¹⁾.

Человѣкъ есть животолубивъ. Сія истина есть естественна, яко отъ Бога вліянна. Ибо еслибѣ человѣкъ не былъ животолубивъ: онъ не радѣлъ бы о себѣ: онъ при всякомъ прискорбномъ случаѣ лишитъ себя жизни приступилъ бы безъ затрудненія: онъ подобенъ былъ бы дикому звѣрю всякаго терзающему; ибо былъ бы подобенъ отчаянному. Могъ ли бы таковой о другаго пользѣ, или о сохраненіи другаго жизни подумать; когда бы собственную свою презиралъ? Сія къ жизни сей любовь есть не только нужна для благоденствія чловѣка, но и есть связь общества. Когда я люблю жизнь свою: буду беречь и другаго; ибо по собственному животолубію разсуждаю, сколь дорога она должна быть и другому. Когда люблю свою жизнь: ищу всего полезнаго для сохраненія ея цѣлости; а тѣмъ самымъ обяываю себя и другаго пользу наблюдать, вѣдая, что нарушеніе оной въ другомъ столь должно быть чувствительно, сколько-бъ то чувствительно было для меня самого. И потому для любви къ ближнему положилъ правиломъ Спаситель любовь нашу къ самимъ себѣ: возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе (Мѣ. гл. 12, ст. 31). А сіе означаетъ, что не любящій самого себя, другаго любить не можетъ“ ²⁾.

Боговложенная любовь къ себѣ, обяываетъ чловѣка трудиться надъ развитіемъ своихъ силъ и способностей.

„Человѣкъ рождается на труды. Сія истинна не токмо несумнительна, но и естественна намъ, и источникъ нашего щастія. Свойство и тѣла и духа нашего требуетъ, чтобы мы во всегдашнемъ были движеніи. Всѣ въ тѣлѣ нашемъ соки и кровь непрестанное теченіе и круженіе имѣютъ: и еслибѣ они начали протекать слабо, соки въ насъ испортятся, и кровь повредится. А сіе наполнить тѣлесный нашъ составъ тлѣніемъ и болѣзнями. Если же бы совсѣмъ въ насъ те-

¹⁾ Поучит. слова, I, стр. 163.

²⁾ Поучит. слова, V, 253—254.

ченіе крови и соковъ остановилось, то воспослѣдуетъ смерть. Почему и зѣло потребенъ трудъ, чтобъ онъ вспомошествовалъ сему животворному теченію, а чрезъ то бы укрѣплялъ здравіе, и продолжалъ жизнь.

„И какъ мы паче всего обыкли желать здравія и жизни долговременной, и сіе благо почитаемъ величайшимъ, то отъ насъ самихъ зависитъ, даровать себѣ сіе сокровище. Средство къ приобрѣтенію и сохраненію того всегда есть въ рукахъ нашихъ. Притомъ какъ труды сохраняютъ здравіе: такъ взаимно здравый составъ всякіе труды подѣмлетъ съ удобностью и легкостью; труды, доставляющіе намъ всякія выгоды житейскія. Съ помощію ихъ снискиваемъ мы себѣ лучшую пищу и питіе: украшаемъ брнное тѣло свое многоразличными и красными одѣянїями, сооружаемъ огромныя, не болѣе къ спокойствію, какъ и къ увеселенію служащія зданїя; и тѣмъ отвращаемъ всякія нужды, которыя бы могли учинить жизнь нашу скучною и печальною.

„Да не тѣло токмо въ трудахъ находитъ свое подкрѣпленіе, но и самая душа. Силы ея и способности такъ же всегда обращаются въ своемъ родѣ движенія, которое, чѣмъ есть больше, тѣмъ мысль становится понятнѣе, разумъ просвѣщеннѣе, желаніе живѣе, воля скородвижнѣе, охота стремительнѣе. А какъ душа съ тѣломъ соединена тѣснѣйшимъ союзомъ, то чѣмъ болѣе трудъ укрѣпляетъ тѣлесное здравіе, тѣмъ болѣе дѣйствуютъ силы душевныя: чѣмъ болѣе трудъ приводитъ тѣло въ движеніе, тѣмъ болѣе очищаются мысли, и способности свѣжѣе становятся. А изъ сего безъ сумнѣнїя заключать должно, что *труды назначилъ намъ Творецъ, яко наилучшее средство къ сохраненію сея жизни въ покое, довольствїи и благополучїи*“ ¹⁾.

Особенно важенъ трудъ въ отношенїа разума.

„Кто не радитъ о снисканїи настоящаго просвѣщенїа, тотъ расслабляетъ силы своего разума и понятїа. Богъ даровалъ каждому человѣку способность и силу къ повятїю и разсужденію, и симъ то особливо даромъ различилъ Онъ насъ отъ прочихъ животныхъ безсловесныхъ. Сїа драгоцѣнная способность есть сѣмя посѣянное въ сердцѣ нашемъ, которое чтобъ возрасло и принесло плоды, надобно употребить тщанїе и

трудъ... Естьлибъ кто о познаніи... не радиль, не разслабленъ ли онъ? Не связываетъ ли онъ душевныя силы свои, и божественное сѣмя не остается ли въ немъ не только бесплодно, но и разслабленно?"¹⁾

Отверженіе себя есть отверженіе не задачи и благъ развитія жизни земной, а порока.

„Чтобъ истинное объ отверженіи себя получать понятіе, надобно напередъ увѣреннымъ быть (о чемъ, думая, никто и сомнѣться не можетъ), что человѣкъ часто предпочитаетъ худшее лучшему, что нерѣдко послѣдуетъ чувственнымъ склонностямъ въ предосужденіе здравому разуму, и что не всегда есть точнымъ исполнителемъ закона совѣсти; а чрезъ то, выходя изъ-подъ владычества добродѣтели, дѣлаетъ себя невольникомъ порока. Принявъ истину сію за несомнительную, не трудно узнать, въ чемъ состоитъ отверженіе самого себя. Ибо когда идетъ кто противъ несправедливаго усилія своихъ страстей; когда пріятность чувствъ приноситъ въ жертву пользѣ, утверждаемой разумомъ, и когда наружныя выгоды порока почитаетъ меньше тѣхъ трудовъ, которые ведутъ къ добродѣтели: тогда онъ разрываетъ самый крѣпкій узелъ предразсужденія и пристрастія, тогда онъ принуждаетъ себя оставить пріятность и пользу для чувствъ весьма легкую; тогда онъ побуждаетъ самого себя, и тогда то отвергается себя самого по слову Евангельскому... Отрепись себя, значить, просто сказать, не слушаться самого себя, когда бы мы въ самихъ себѣ чувствовали побужденія, противныя истинѣ, противныя совѣсти и разрушающія истинное блаженство наше“²⁾.

Такъ въ чемъ же состоитъ Евангельскій покой? Состоитъ въ спокойствіи совѣсти. А совѣсти спокойствіе тогда есть, когда она тебя ничѣмъ не зазираетъ: когда ты въ неустанномъ трудѣ надъ развитіемъ и примѣненіемъ всѣхъ полученныхъ отъ Бога силъ и способностей „такъ располагаешь своимъ состояніемъ, что исправленіе дѣлъ мірскихъ не отвлекаетъ тебя отъ Бога“³⁾; когда человѣкъ заповѣданную отъ Бога „добродѣтель любить саму по себѣ“ и нецѣлостно служить ей всѣми силами души и тѣла, безъ всякой при-

¹⁾ Поучит. слова. IV, 284—285.

²⁾ Поучительныя слова. II, 99—102.

³⁾ Поучит. слова. IV, 113—116.

мѣси „корыстолюбія и честолюбія“¹⁾. Въ этомъ покоѣ совѣсти есть самая высшая радость, самое высшее блаженство человека на землѣ.

Таковъ основной принципъ жизненнаго идеала м. Платона—покой совѣсти въ сознаніи нелѣбно и неподкупно выполненнаго нравственнаго долга въ отношеніи Божественнаго дара жизни. Съ этимъ идеаломъ предстоитъ *Платонъ* предъ Богомъ и людьми. Но съ этимъ же идеаломъ предстоитъ и *Филаретъ*. *Оба они мужи нравственнаго долга*²⁾. И если по величію дѣлъ жизни своей оба они какъ бы два одинаковыхъ солнца, то, оказывается, и горять они одною и тою же по существу и силѣ напряженія энергіей нравственнаго долга.

Но одно горитъ теплымъ лѣтнимъ свѣтомъ, а другое холоднымъ зимнимъ...

Наука знаетъ, что солнце лѣтнее и солнце зимнее—одно и то же солнце и лучи его одни тѣ же, но солнце лѣтнее грѣетъ потому, что лучи его преломляются и задерживаются въ окружающей землю земной атмосферѣ облаковъ: такъ точно и энергія нравственнаго долга въ нравственной личности Платона приобретаетъ согревающую силу потому, что лучи его преломляются въ густой атмосферѣ *земныхъ человеческихъ чувствъ человеческого сердца*.

Въ своей автобіографіи м. Платонъ настойчиво подчеркиваетъ какъ отличительное свойство своей души то, что онъ былъ „крайній уединеній любитель“.

1) См. Поуч. слова, II, 158—162.

2) „Дѣло не о томъ, чтобы уклониться отъ неприяностей, а о томъ, что бы въ запутанныхъ и темныхъ обстоятельствахъ быть полезнѣе и безопаснѣе отъ нарушенія долга“, говоритъ напримѣръ Филаретъ въ одномъ изъ писемъ къ намѣстнику Троицкой Лавры Антонію (Письма, къ Антонію, т. II, стр. 20). „Онъ выработалъ и вывошилъ себѣ твердое убѣжденіе, что въ дѣятельности въ поступкахъ своихъ—какъ любить онъ выражаться—каждый долженъ собразоваться съ внушеніями долга, какъ внутренне создается онъ каждымъ и какъ внѣшне опредѣляется закономъ. „Долгъ и законъ—прежде всего“—вотъ девизъ присвоиваемаго Филарета! Этимъ девизомъ, какъ мѣриломъ правды, опредѣлялъ, и оцѣнивалъ, и уравнивалъ онъ какъ поступки свои, такъ и поступки другихъ, какое бы положеніе въ обществѣ ни занимали эти другіе“... Проф. Н. А. Заозерскій: „Митрополитъ Филаретъ, какъ администраторъ и судья въ Московской епархіи. Сборникъ, изданный обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія Филарета, митрополита Московскаго“, Т. II, стр. 42.

Но это уединеніе, котораго Платонъ былъ любитель, не было однако уединеніемъ одиночества иноковъ-отшельниковъ, въ которомъ „удобнѣе подражать безплотнымъ и воспринимать тайныя посѣщенія Св. Духа“, уединеніемъ, которое любилъ Филаретъ ¹⁾. Склонности къ этому настоящему иноческому уединенію Платонъ совершенно не имѣлъ. „Хотя, пишеть самъ о себѣ Платонъ, былъ (онъ) уединенія любитель: но скучалъ быть одинъ, и всегда одинъ или два при немъ находились, съ которыми онъ могъ бы откровенно разговаривать“. Подъ любовью къ уединенію Платонъ разумѣлъ то свое свойство, что „множества людей, особливо ежели съ ними надобно было обходиться церемоніально и неоткровенно, всемѣрно убѣгалъ“ ²⁾. Отсюда, вообще „нерѣдко немало времени проходило у него въ прохаживаніи, или въ сидѣніи, разговаривая съ пріятелями ³⁾. По поводу нѣсколькихъ годовъ своей жизни Платонъ пишеть про себя: „Былъ онъ нрава веселаго и словоохотливаго: любить свои разговоры прикрашивать шутивными или забавными словами и въ разговорѣ своемъ всемъ всегда правился и находилъ все удовольствіе его слушать, или съ нимъ разговаривать... Но при всемъ своемъ таковомъ свойствѣ былъ крайній уединенія любитель, чтобъ находиться только у себя дома, съ малымъ числомъ вѣрныхъ пріятелей и друзей обходиться, съ которыми не иначе бы могъ разговаривать, какъ онъ самъ съ собою, безъ всякаго принужденія, со всею откровенностью, и поему все то, что называется церемоніей, для него было несносно. И сію къ уединенію любовь сохранилъ онъ во всю жизнь ⁴⁾. Живучи и при Дворѣ, не оставилъ своей любви къ уединенію, рѣдко когда выѣзжалъ, и то болѣе къ духовнымъ. Но вмѣсто того, всегда почти у него собраніе было иностранныхъ людей, яко то: грековъ, сербовъ, далматовъ, французовъ, пѣмцевъ, итальянцевъ и другихъ: ибо онъ съ ними обращаться и разговаривать особенную всегда охоту имѣлъ. Собирались они всегда къ нему или на обѣдъ, или по вечерамъ. И отъ такого обращенія онъ много пользовался,

¹⁾ Слова и рѣчи м. Филарета, т. I стр. 130. М. 1848 г.

²⁾ Автобіографія, стр. 262.

³⁾ Автобіографія, стр. 262.

⁴⁾ Автобіографія, стр. 209.

ибо изъ нихъ многіе были ученые и свѣтъ знающіе ¹⁾). Проживая въ Вѣнѣ, Платонъ имѣлъ обыкновеніе каждый день въ пятомъ часу пополудни приглашать къ себѣ ректора, префекта и кого либо изъ учителей и, или прогуливаясь съ ними по двору, или, когда не позволяла погода, сидя въ комнатахъ, велъ съ ними разговоръ и никогда не отпуская отъ себя ранѣе десятого часа ²⁾). Несомнѣнно, что только что описанная любовь къ уединенію, не есть любовь къ тому одиночеству молитвеннаго созерцанія Бога, которая свойственна апокамъ. Это просто любовь къ уединенію интимности дружескаго общенія.

Вотъ эту-то чисто человѣческую земную любовь Платонъ несъ съ собою всюду и вездѣ, и въ атмосферѣ этой то любви суровый и жесткій ³⁾ въ Филаретовскомъ воплощеніи идеаль неподкупнаго нравственнаго долга предъ Богомъ получаетъ у Платона своеобразное преломленіе, своеобразныя, чарующія своею мягкостью, нѣжностью, конкретныя формы жизненнаго воплощенія.

Обычно люди съ указанною склонностью къ уединенію и интимности дружескаго общенія избираютъ тотъ путь жизни, гдѣ моральная атмосфера дружбы, дружескаго единенія является естественной, — *путь жизни семейной*.

Платонъ находилъ, что то „утѣшеніе дружбы, какое даетъ семья, слишкомъ мало, такъ какъ отвлекается тѣми „труд-

¹⁾ Тамъ же, стр. 221.

²⁾ Дневникъ архіепископа Ярославскаго Евгенія Казанцева. Дух. Чт. 1868 г. III, 52.

³⁾ Субъективно въ сознаніи Филарета этотъ идеаль утверждается на почвѣ совершенно чуждаго сердцу Платона ригористическаго взгляда на земную жизнь. Для Филарета здѣсь наиболѣе характерна проповѣдь о любви къ міру (Слова и рѣчи ч. I стр. 17—22 М. 1848), сосредоточивающаяся на раскрытіи двухъ текстствъ: „любовь міра сего вражда Богу есть“ (Іак. IV, 4) и „суета суетствій, всяческая суета... возненавидѣхъ азъ суетная міра“ (Екк. I, 2; II, 18). Проповѣдь эта, какъ извѣстно, произнесенная при Дворѣ въ 1814 г. въ присутствіи Императрицы вызвала неудовольствіе послѣдней и имѣла результатомъ то, что „голосъ проповѣди Филарета съ тѣхъ поръ уже не слышался въ дворцовыхъ церквахъ, да и вообще сталъ менѣ слышавъ“. Корсунскій, петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета. Вѣра и Разумъ 1884 г. т. I ч. II (отдѣлъ церковный), стр. 493—499. Специальную характеристику (хотя и не всестороннюю) нравственнаго облика м. Филарета см. у проф. А. П. Лебедева „Великій и въ маломъ“ московскій митрополитъ Филаретъ“. Троицкій цвѣтокъ. № 49. Троице-Сергіева Лавра 1906 г.

ностями, съ какими соединено супружеское состояніе“¹⁾. И онъ избираетъ противоположный *путь*— *иноческій*.

Однако иночество самымъ существомъ своимъ идетъ противъ свойства Платона: „не любилъ быть одинъ“, а чтобъ всегда съ нимъ двое или трое находились изъ друзей. Для инокъ самое возжелѣнное и обычное нормальное состояніе— уединеніе кельи въ уединенной молитвѣ предъ Богомъ. Но Платонъ былъ своеобразнаго взгляда на монашество, что оно ни къ чему болѣе человѣка не обязываетъ въ сравненіи съ рядовымъ христіаниномъ, кромѣ безженства. „Онъ о монашествѣ рассуждалъ,—пишетъ Платонъ въ автобіографіи,— что оно не можетъ возложить болѣе обязательства на христіанина, какъ сколько уже обязывало его Евангеліе и обѣты крещенія; и по духу Евангельскому, всякій христіанинъ долженъ быть всегда воздерженъ, смирененъ, послушливъ, трезвъ, богомоленъ, никакими излишними житейскими заботами себя не связывать; а при томъ, хотя можетъ имѣть жену, но слабости плоти, но жить съ нею цѣломудренно, и болѣе, по Апостолу, пребывать въ постѣ и молитвѣ, нежели предаваться сладострастію... При такомъ разсужденіи заключалъ Платонъ: что тотъ будетъ истинный монахъ, который будетъ истинный христіанинъ. А хотя почиталъ онъ безженство нелегкимъ бременемъ для немощи плоти, и чувствовалъ ея подстреканіе: но напротивъ всегда со страхомъ воображалъ супружеское состояніе; какимъ трудностямъ, заботамъ, скорбямъ, бѣдствіямъ подверженъ женатый и мірской человѣкъ, содержитъ жену, домъ, воспитывая дѣтей, устроая ихъ къ мѣстамъ и всѣмъ имъ во всемъ сострадаая: и ежели какое отъ того получаютъ утѣшеніе и удовольствіе, по сія чаша несравненно болѣе горестью растворена... Все сіе живо воображая, Платонъ ублажалъ *безженную жизнь* и уединеніе, а мірскую оплакивалъ: а чрезъ то и борьбу плоти нѣсколько облегчалъ“²⁾.

¹⁾ Автобіографія, стр. 213.

²⁾ Автобіографія 212—213. Характерны мысли Платона о бракѣ и безбрачій и монашествѣ, встрѣчающіяся въ проповѣдяхъ. „Чувствовать въ себѣ вождѣленіе къ плотскому соединенію, и разженіе сіе уставленнымъ отъ природы порядкомъ погасить, кажется не только быть сроднымъ, но и невозможнымъ, чтобъ человѣкъ сею немощію обложенный инаковымъ образомъ и поступить могъ. Но чудесный Богъ не оставилъ явить намъ

Такъ для Платона иночество это только „безженная жизнь и уединеніе безженной жизни“, нисколько не мѣшающія быть всегда въ дружескомъ общеніи. Въмѣсто дружеской человѣческой любви, рождающейся на почвѣ плотскаго родства, остается дружеская человѣческая любовь, основанная на почвѣ духовнаго родства. И ея то ищетъ сердце м. Платона.

Но откуда, какъ создается это духовное родство, дающее друзей и радость дружескаго общенія? Здѣсь идеаль дружбы пересѣкаетъ собою для сознанія Платона идеаль нравственнаго долга и преклоняетъ его къ землѣ.

Какъ и плотское, духовное родство, по мысли Платона, создается актомъ творчества на пользу, счастье другихъ. Духовное родство создается актами добротворенія по требованію нравственнаго долга; и чѣмъ интенсивнѣе, шире эти акты. тѣмъ создается болѣе теплая и атмосфера дружбы.

таковыхъ рабовъ своихъ, которые огонь похотвнїа совсѣмъ погасили, среди сей разженной печи остались неопалимыми, сохранили чрезъ всю жизнь дѣвство и дѣломудріе, и во плоти пожили, яко безплотные. А нѣкоторые, не удалившіеся въ горы и пустыни, но живучи въ мірѣ, да еще имѣя всегда при себѣ законныхъ супруговъ, по взаимному согласію сохранили воздержаніе и поистинѣ ходя по разженнымъ углямъ нимало не опалили ногъ своихъ“ (XV, 670—671). „О удаленіи отъ міра и уединенной жизни должны мы судить, что они не сами по себѣ что нибудь значатъ, или похвалу заслуживаютъ: ятъ! и въ удаленіи отъ міра и въ жизни уединенной можетъ иной быть развратецъ, или лицемеръ, и скрывающій только по наружности свою внутреннюю злость. Таковаго, удаленіе отъ міра, и уединенная жизнь не только не спасаетъ, но болѣе осуждаетъ и погубляетъ. А при удаленіи міра, и заключивъ себя въ уединенной жизни, необходимо потребно, чтобъ оны удалитъ отъ себя всѣ прихоти міра, единъ для единого жилъ бы Бога, и содержа душу въ чистотѣ, а сердце наполнивъ любовью къ Богу и ближнимъ, единственно стремился бы достигнуть вѣчнаго отечества, ничего для себя не желая, и не ища въ мірѣ семъ. При такомъ токмо души расположеніи, удаленіе отъ міра и уединенная жизнь, есть Богоугодна; и она хотя праведника отъ міра удаляетъ мѣстомъ, но не пользованіемъ: далекъ отъ мѣста разстояніемъ, но близокъ спасительнымъ примѣромъ и молитвами (XX, 57—58)... Пусть оны (преп. Сергія) взомель на высокой степени совершенства Евангельскаго. Но я могу сказать, что въ мірѣ живущій, а къ міру не приверженный христіанинъ, не меньше, ежели не больше, возвышаетъ себя. Труденъ сей подвигъ, скажете вы. Конечно труденъ. Но чѣмъ большія встрѣчаются трудности, кои съ помощію Божіею христіанинъ преодолеваетъ: тѣмъ большая награда, тѣмъ свѣтлѣйшая побѣда, тѣмъ знаменитѣйшая слава“ (XVII, 299).

Для наибольшаго же осуществленія дѣла добротворенія состояніе безженное, по мысли Платона, есть самое удобное. На вопросъ Екатерины: зачѣмъ онъ принялъ монашество?—Платонъ отвѣтилъ: „по особой любви къ просвѣщенію“; и на возраженіе: „развѣ нельзя въ мірской жизни умножить просвѣщеніе“?—пояснилъ: „можно, но не столь удобно, имѣя жену и дѣтей и разныя мірскія суеты“. Итакъ, возможность съ большимъ удобствомъ „умножать просвѣщеніе“, т. е. болѣе широко трудиться на благо другихъ, вотъ что привлекаетъ Платона въ безженномъ состояніи монашества, вотъ причина, ради которой онъ отказывается идти путемъ жизни семейной.

Но самый трудъ для другихъ по закону нравственнаго долга привлекаетъ Платона, какъ горнило созидающее и окружающее себя атмосферой дружескихъ отношеній, поскольку правда нравственнаго долга естественно созидаетъ вокругъ себя теплую атмосферу человѣческой дружеской любви. Преломляясь въ этой атмосферѣ, жизненный идеалъ Платона, идеалъ нравственнаго долга получаетъ гуманитарный наклонъ и гуманитарное содержаніе.

Платонъ и Филаретъ оба предстоитъ предъ Богомъ и людьми съ однимъ и тѣмъ же по существу жизненнымъ идеаломъ. Но взоръ Филарета обращенъ прямо къ Богу. Филаретъ предстоитъ предъ Богомъ съ своей совѣстью въ уединенной молитвѣ съ глазу на глазъ; онъ испытуетъ свою совѣсть только непосредственнымъ зрѣніемъ правды лица Господня. Взоръ Платона обращенъ къ человеку. Платонъ предстоитъ предъ Богомъ на молитвѣ съ сердцами и совѣстями своихъ собратій и отражаетъ въ себѣ не только правду лица Господня, но и сердца и совѣсти своихъ собратій, съ которыми и для которыхъ онъ трудится во имя Божіе. Отсюда идеалъ спокойной, выполнившей нравственный долгъ совѣсти различно сознается тѣмъ и другимъ. У суроваго, необщительнаго Филарета совѣсть покойна, когда онъ сдѣлалъ въ отношеніи другихъ то, что подсказывала ему совѣсть предъ лицомъ Божіимъ; у мягкаго, общительнаго Платона совѣсть спокойна лишь тогда, когда онъ сдѣлалъ все, что подсказывала ему совѣсть предъ лицомъ Божіимъ и предъ лицомъ совѣсти и сердца тѣхъ, съ кѣмъ и для кого онъ живетъ и трудится.

Платонъ и Филареть одинаково исповѣдаютъ принципъ: „добродѣтель должна быть любима сама по себѣ“. И Филареть и Платонъ любятъ добродѣтель саму по себѣ. Но самозамкнутый, необщительный Филареть любитъ добродѣтель, какъ творческое дѣло любви къ *всесвятѣйшему Богу*. Платонъ—какъ дѣло изліянія любви къ *немощному человеку*. Для Филарета каждый человѣкъ—это жертва, которую онъ приноситъ отъ себя и вмѣстѣ съ собою святыню Божіей. Филареть, это древній Геффай, закалающій свою дочь, чтобы сдѣлать ее собственной жертвой отъ себя Богу. Для Платона каждый человѣкъ—это сама святыня, которой онъ себя самого приноситъ въ жертву, какъ святыню образа Божія во имя Божіе; потому что въ этой самой жертвѣ онъ чувствуетъ источникъ своего собственнаго личнаго счастья: это древній Моисей и новозавѣтный Павелъ, умоляющіе Бога быть отлученными отъ лица Божія за жизнь народа Божія.

Платонъ видитъ образъ добротворенія въ дѣяніи Высочайшаго Добра, Бога въ моментъ творенія міра. Твореніе міра—это движеніе полноты Божества къ обнаруженію во внѣ, находящее удовлетвореніе въ счастьѣ тварей, являющихся плодомъ этого движенія.

„Когда ...истинный Богъ всѣ возможныя совершенства въ себѣ заключаетъ, и ни въ чемъ недостатка ни нужды имѣть не можетъ: то какой же былъ бы резонъ, возбудившій Его къ созданію міра? Представьте себѣ безмѣрное море, которое, не удержавшись въ своихъ берегахъ, начало бы чрезъ оныя проливаться: подобно нѣкоторымъ образомъ безмѣрная бездна Божіихъ совершенствъ, какъ бы не удержавшись въ своихъ предѣлахъ, благоволила излиться внѣ самой себя. Сіе изліяніе есть ничто иное, какъ нѣкоторое совершенство существа Божія сообщеніе и другимъ существамъ. Оно излилось: изъ сего изліянія произошли небеса, свѣтила, земля, древа, животныя и другія твари неисчислимыя. Въ сихъ чрезъ изліяніе Божіе происшедшихъ тваряхъ открылся намъ Его совершенства, которыя прежде въ Немъ одномъ были сокровенны. Сіи твари стали зеркаломъ, въ коемъ мы начали усматривать благодать Его, правосудіе, премудрость, всемогущество и прочая; но сего не довольно. Мы еще тѣ же совершенства, хотя ограниченнымъ образомъ вдругъ, ощутили и въ самихъ себѣ и въ тваряхъ другихъ. Мы нашли и въ

себѣ и въ другихъ созданіяхъ и слѣды и дѣла, доказывающія благоразуміе, просвѣщеніе, стройность порядка, склонность къ сожалѣнію, къ любви, къ правосудію. Итакъ внезапно образомъ и котораго мы и сами никакъ ни предвидѣть, ни узнать не могли, стали участны Его совершенствъ—вдругъ возсіялъ образъ Его. *Творецъ*, съ высоты святныя Своея воззрѣвъ, почувствовалъ, *коли можно такъ сказать, сладчайшее въ себѣ удовольствіе*, что отъ сіянія Его лучей нѣкоторое открылось того подобіе, и что увидѣлъ со славою исполнено свое великое намѣреніе, которое, какъ видите, не въ иномъ чемъ состояло, какъ *чтобы сообщить свои совершенства и другимъ, и тѣмъ учинить ихъ счастливыми*, сколько по своей ограниченности вмѣстятъ могутъ, такъ какъ Онъ есть блаженъ безконечнымъ образомъ ¹⁾.

Таково же, по Платону, движеніе всякаго добра и въ человѣческой личности.

„Добро само по себѣ есть общительно. Положимъ, что ты счастливъ, почтенъ и радостенъ. Тотчасъ желается тебѣ и счастье свое другимъ открыть, и честью своею другихъ очи удивить, и радость свою, не вѣщая въ себѣ, тотчасъ пересказать другому. Если бъ ты былъ одинъ, счастье твое не столь бы тебя услаждало; честь какова бы не принесла тебѣ удовольствія, радость, во внутренности стѣсненная, тѣмъ какъ бы погасла. Почему счастье, честь и радость не сами собою для насъ усладительны, но когда имѣемъ мы ихъ кому сообщить. Но для того ли ты другимъ ихъ оказываешь, чтобы предъ ними токмо повеличаться, и оказавъ свою пышность, въ другихъ прозвезсти только зависть, или негодованіе, или смущеніе. Когда несчастливые, увидѣвъ твое въ счастіи величіе больше узнаютъ твое несчастіе, и видѣвъ твое изобиліе, больше узнаютъ свои нужды и бѣдность, а чрезъ то возмуть случай больше оплакивать свой злополучный жребій, и можетъ быть будутъ роптать на промыслъ; а тебя отяготятъ поношеніями, что ты или того счастья не заслужилъ, или недостоинъ тѣмъ пользоваться... Еще счастье

¹⁾ Поучит. слова VI. 332—333. Ср. XI, 169: „свойственно человѣку желать быть всегда радостнымъ. Ибо создавъ онъ не на смущеніе и печаль; но на удовольствіе и радость“; I, 229: врождено намъ есть искать себѣ удовольствія, и стремиться до такова состоянія, въ которомъ бы мы совершенно были успокоены“.

твое въ тебѣ одномъ заключено есть, когда ты онымъ по наружности только величаешься предъ другими, а самою вещь они въ томъ не участвуютъ. Слѣдовательно, и тебѣ самому, коли понстияѣ разсуждать, никакого оно не приносить удовольствія... Богъ украсилъ тебя дарами счастья, яко древо плодоносное: наполнилъ ты способностью и могуществомъ помогать другимъ, яко глубокой источникъ воды живыя. Будешь ли ты оныя скрывать въ самомъ себѣ? Но на что? Ты тѣмъ докажешь, что напрасно оныя тебѣ и даны; да и самого себя лишишь притекающаго изъ нихъ удовольствія. Ибо оно не можетъ быть, когда дары счастья въ тебѣ одномъ только закрыты и погребены... *Чѣмъ болѣе ты счастье свое сообщишь другимъ, тѣмъ болѣе умножится собственное твое удовольствіе.* На другихъ, счастьемъ твоимъ учинившихся счастливыми, когда возришь ты, что тебѣ представится: представится тебѣ, что сіи, о счастья своемъ радующіеся люди, суть какъ бы райскія древа, возросшія отъ сѣмянъ, тобою посѣянныхъ; или паче представляются какъ чада, рожденныя твоимъ человеколюбіемъ, въ коихъ начертанъ сіяетъ образъ твой отеческій и подобіе. Можетъ ли что сравняться съ симъ сладчайшимъ и небеснымъ удовольствіемъ? Сирота тобою воспитанный, бѣдный тобою снабженный, болѣзнующій тобою исцѣленный, немощный тобою защищенный, унывающій тобою возставленный, невѣжа тобою просвѣщенный, не суть ли духовное и святое твое порожденіе, коимъ безъ постыжденія можешь со апостоломъ сказать: *Благодѣтельствомъ азъ въ родихъ* (1 Кор. 4, 15)¹⁾.

Для Платона, такимъ образомъ, *творить добро значитъ радоваться счастьемъ добровоспринимающихъ*, быть соучастникомъ этого счастья, какъ мать и отецъ чувствуютъ счастье, являясь созерцателями счастья дѣтей, получившихъ отъ нихъ жизнь свою, т. е. возможность и способность чувствовать счастье.

Отсюда для Платона каждый человекъ мыслится не иначе, какъ „о счастья своемъ радующійся“ или печалующійся, не иначе, какъ цѣльная личность въ полнотѣ своихъ радостей и скорбей, которую нужно осчастливить. Для него нѣтъ просто подчиненнаго, просто сотрудника, обязанныхъ быть лишь

1) Поучит. слова XI, 91—95.

орудіемъ исполненія того долга, который они несутъ, до личной скорби и радости которыхъ нѣтъ никакого дѣла. Нѣтъ, для Платона каждый подчиненный и сослуживецъ, это свой для него человѣкъ, свой и дорогой не только со своими официальными обязанностями, но и со своей совѣстью и со всѣми своими радостями и скорбями, къ которымъ онъ не можетъ относиться иначе, какъ съ любовью отца и уваженіемъ друга. Равно и каждое учрежденіе, входившее въ сферу его творческаго воздѣйствія, становилось для него своимъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Но законъ плотскаго рожденія таковъ, что порождающій, радуясь счастью порождаемыхъ, естественно требуетъ въ отвѣтъ благодарной любви за дарованное благо жизни. Въ этой любви—самая высшая награда и вмѣстѣ непремѣнное условіе радости рождающихъ.—Безъ нея радость о счастья дѣтей перестаетъ быть радостью и превращается въ тѣмъ большую скорбь, чѣмъ велика эта самая радость. Таковъ и законъ духовнаго рожденія, духовнаго творчества. Само Высочайшее Добро—Богъ даровалъ человѣку благо жизни при непремѣнномъ условіи благодарной любви къ Нему со стороны человѣка. Точно тому же закону слѣдуетъ и добро въ человѣческомъ сердцѣ: и оно, давая счастье другому, требуетъ отъ другого въ отвѣтъ благодарной любви. И чѣмъ интенсивнѣе это добро въ человѣкѣ отдаетъ себя творчеству счастья другихъ, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ нравственную обязательность, тѣмъ интенсивнѣе *жаждетъ радости отвѣтной благодарной любви*. Въ энергично-дѣятельномъ Платонѣ эта жажда была тѣмъ интенсивнѣе, что она была и вмѣстѣ запросомъ его отъ природы дружелюбивой души.

Удовлетвореніе этой жажды Платонъ считаетъ самой высшей и единственной возможной на землѣ земной наградой добру.

„На земли... награда самая надежная и превосходная... состоитъ въ любви тѣхъ, коихъ ты по своему званію благотворишь. О, калика лестна и благословенна сія награда, да и сколь же мало неблагоразумный честолюбецъ оную или уважаетъ, или понимаетъ! Почитаніе, состоящее въ однихъ наружныхъ и низкихъ поклонахъ, и въ видахъ уважительныхъ, есть единъ обманъ и лицемеріе ¹⁾. Изъявивъ.

1) Ср. XV, 808—812.

въ глазахъ всякаго рода униженія, не успѣеть онъ выйдти за порогъ, какъ тѣмъ болѣе восчувствуетъ къ нему презрѣнія, чѣмъ болѣе насилывалъ себя къ наружному униженію. Таково ли должно быть истинное почитаніе, и можетъ ли добродѣтельный человѣкъ за нимъ гоняться?!

Но не таково есть почитаніе, которое отъ сердца происходитъ, и которое въ любви состоитъ. О, представьте себѣ съ каковымъ пылающимъ любовью усердіемъ смотреть тотъ бѣдный на оного судью, который его отъ руки сильной защитилъ. Какъ любезно и священно лице начальника тому челоуѣку, которому онъ доставлялъ надежное пропитаніе. Съ какою благодарностію вспоминаетъ преступникъ объ ономъ властелинѣ, который всемѣрно тщился не столько его наказать, сколько исправить, да и имѣлъ счастье его развратнаго сдѣлать добрымъ челоуѣкомъ. Вамъ самимъ на судъ отдаю, ласкатели ли болѣе почитаютъ вызваннаго властелина, или сіи облагодѣтельствованные добродѣтельнаго начальника.

Такъ ежели сладчайшее удовольствіе есть, взирать намъ на начальника добродѣтельнаго, такъ какое же самъ онъ долженъ чувствовать услажденіе въ душѣ своей, когда видитъ столько возженныхъ передъ собою жертвенниковъ, сколько сердце имъ обязанныхъ?! Они его любятъ: а чрезъ сіе то наилучшимъ образомъ его почитаютъ; и не въ лице токмо, но и заочно, и вездѣ, и всегда. *Не довольна ли сія для проходящаго честно свою должность награда на земли? Чего болѣе искать и желать?* Ты ищешь наружныхъ отличительныхъ знаковъ, но чѣмъ болѣе они отличительны, тѣмъ болѣе удаляютъ тебя отъ другихъ. Ибо меньше приступнымъ тебя дѣлаютъ. Отличай себя: кто воспрещаетъ. Но добродѣтельствомъ, правосудіемъ, снисхожденіемъ, примѣромъ честности и благоразумія. Таковыя отличенія привлекутъ къ тебѣ другихъ сердца. Ибо чрезъ сіе ты и ихъ самихъ дѣлаешь отличностей своихъ участниками ¹⁾.

Такъ добро, давая счастье другому, получаетъ въ награду блаженство отвѣтной любви. И эта отвѣтная любовь состоитъ въ томъ же добротвореніи, въ томъ же радованіи счастьемъ другого и заботѣ о его горестяхъ и радостяхъ, какъ о своихъ.

1) Поучит. слова XVI, 50—54.

Получается союзъ „любвое братство“ ¹⁾—*дружеское общеніе любви людей нравственнаго долга*, въ которомъ они, въ общемъ служеніи нравственному долгу, открываютъ и усвояютъ себѣ взаимно *всѣ* горести и радости и заботы другъ друга. Характерный признакъ и необходимое свойство этого дружескаго союза въ служеніи добра—*искренность и откровенность*. Искренность и откровенность въ томъ, „когда у кого языкъ съ сердцемъ согласенъ и у коего душу можно видѣть на лицѣ его... Чувствованія Богъ положилъ въ сердца; а языкъ учредилъ, чтобы онъ былъ орудіемъ къ точному этихъ чувствованій изъясненію. Склонности скрылъ въ душѣ подъ покрываломъ тѣла: а лице оставилъ быть зеркаломъ, дабы въ немъ были открыты тѣ склонности. Почему Боголюбивый мужъ и разсуждаетъ, что иное чувствовать въ сердца, а иное изъяснять языкомъ; иное содержать въ душѣ; а другое на лицѣ представлять, есть не иное что, какъ насиловать природу; и превращать порядокъ Богомъ установленный ²⁾... Человѣкъ съ человѣкомъ и братствомъ и взаимною пользою и вѣрою соединенъ. Сей великій союзъ требуетъ искренности; ибо требуетъ доброжелательства. Скрыть отъ другого сердце свое и показать иной видъ, есть не иное что, какъ нарушить любовь братства, лишитъ другого да и самого себя должной пользы, и показать, что вѣра въ сердца ничего не дѣйствуетъ. Какое должно быть въ семъ превращеніе! Нѣтъ! Вѣдаетъ добродѣтельный человѣкъ, что обязанъ онъ всякому по возможности дѣлать добро, а никому не вредить; не только для того, чтобы чувствовать удовольствіе и радость, доставляя другому пользу и благодѣтельство; но и для того, что и онъ взаимно въ случаяхъ нужды можетъ ожидать себѣ отъ другихъ помощи“ ³⁾. Отсюда для Платона каждый добротворящій человѣкъ, усвояя себѣ всѣ горести и радости другихъ, имѣетъ право требовать, чтобы они не скрывали отъ него своей души, въ свою очередь имѣли желаніе усвоять себѣ и раздѣлять его скорби и радости, усвоять себѣ до вѣрчиво открываемую имъ душу друга.

Холодный Филаретъ, совершающій добро для человѣка,

¹⁾ Поучит. слова, I стр. 81.

²⁾ Ср. XII, 223.

³⁾ XII, 163—167. Ср. IV, 227—228.

какъ жертву небу, а не человѣку, не чувствуетъ потребности и не принимаетъ нравственной обязательности сердечной дружественной связи и общенія между добротворящимъ и добровоспринимающимъ. Возлюбленный особою отеческою любовью м. Платона, который „особливое прилагаль, въ разсужденіи его воспитанія, отеческое стараніе“, ¹⁾ Филаретъ считалъ Платона для себя „болѣе, чѣмъ наставникомъ“ ²⁾, но отцемъ. Въ Троицкой семинаріи онъ писалъ въ честь Платона стихи:

„Пой въ пѣсняхъ великихъ героевъ, Омиръ!
 „Дѣла же Платона ты пѣть не дерзай:
 „Поэты склонны и правду превысить—
 „А какъ превозвысить дѣянья *отца?*“ ³⁾.

Но вызванный въ Петербургъ, онъ не пожелалъ возвратиться снова въ Лавру, подъ „кроткую тѣнь“ ⁴⁾ Платона, чтобы быть „утѣшеніемъ его старости“ ⁵⁾, какъ хотѣлъ и просилъ отъ Синода Платонъ. На вопросъ первенствующаго члена Синода митрополита Амвросія, желаетъ ли онъ исполнить желаніе м. Платона,—Филаретъ отвѣтилъ сурово-холодно, что, принявъ обѣтъ монашества, онъ отрекся отъ своей воли и предалъ себя волѣ Божіей и волѣ начальства ⁶⁾. Не такъ представлялъ себѣ свои отношенія къ людямъ, возвращеннымъ своею любовью, м. Платонъ. Его душа искала такихъ отношеній, въ какія сталъ къ нему и стоялъ до смерти другой его любимый ученикъ—Евгеній, послѣ архіепископъ

¹⁾ Доношеніе м. Платона въ Синодъ отъ 28 декабря 1809 г. См. Сушковъ, Записки, о жизни и времени святителя Филарета митрополита Московскаго, стр. 44. М. 1868 г.

²⁾ Слова м. Филарета. См. Сушковъ, Записки.

³⁾ Сушковъ. Записки, стр. 125. Въ письмѣ къ родителямъ, описывая свои посѣщенія м. Платона, Филаретъ свидѣтельствуетъ, что „при всѣхъ сихъ случаяхъ онъ рѣдко видитъ вачальника, чаще отца, ваставника“ Письма къ роднымъ, стр. 107. Письмо 101-е. М. 1882. О другомъ стихотвореніи въ честь Платона подъ заглавіемъ „Старость“, а равно взаимоотношеніяхъ между Платономъ и Филаретомъ во дни пребыванія послѣдняго въ Троицкой семинаріи см. Корсунскаго „Лица Филарета, м. Московскаго“. Русскій Вѣстникъ, 1884 г. т. 174 стр. 272—291.

⁴⁾ Письма Филарета къ роднымъ. Письмо 95-е, стр. 160.

⁵⁾ Доношеніе въ Синодъ. См. примѣч. 1-е.

⁶⁾ Дневникъ архіепископа Ярославскаго Евгенія Казанцева. Душ. Чт. 1868, ч. III, стр. 62 примѣч.; Благовѣщевскій, Архіепископъ Евгеній Казанцевъ, стр. 29, М. 1875.

Ярославскій. Въѣстъ съ Филаретомъ неволею вызванный въ Петербургъ, онъ на вопросъ Амвросія не только отвѣтилъ полнымъ согласіемъ, но и усердно просилъ возвратить его къ своему духовному отцу. Когда Евгенийъ возвратился въ Лавру, то былъ „принятъ не иначе какъ сынъ“ и затѣмъ „постоянно каждую недѣлю бывалъ три раза“ въ Виѳаніи: „во вторникъ, въ четвергъ послѣ полудня и тамъ оставался до слѣдующаго утра; въ субботу же пріѣзжая послѣ полудня былъ тамъ и воскресенье до утра понедѣльника; сверхъ того на каждый праздничный день, когда не было ученья, пріѣжалъ наканунѣ и уѣзжалъ на утро праздника, проводя тамъ обѣ ночи“. И этотъ образъ отношеній былъ настолько по душѣ Платону, что однажды „благословивъ пришедшаго Евгенія, крѣпко сжалъ его руку и неоднократно поцѣловалъ ее, такъ что Евгенийъ едва могъ вырвать свою руку“ 1). Изъ писемъ къ Евгенію видно, что Платонъ былъ весьма огорченъ образомъ дѣйствія Филарета и только заступничество Евгенія успокоило духъ Платона. „Непріятно мнѣ,—пишетъ Платонъ Евгенію въ Петербургъ,—что отнимаете у меня всякую надежду, чтобы Филаретъ возвратился. Но онъ еще ничего ко мнѣ не пишетъ. Видно... 2) „Вѣрно, многое, какъ думаю,—пишетъ Платонъ въ другомъ письмѣ,—могло тебѣ препятствовать, чтобы писать ко мнѣ: но ничто не могло преодолѣть твоего стремленія любви ко мнѣ. Тѣмъ болѣе быть тебѣ обязаннымъ я себя и чувствую и сознаю. То, чего казалось я долженъ бы ожидать отъ Ф.(иларета), то получилъ отъ тебя одного и потому въ тебѣ одномъ обоихъ почитаю“. 3) „Не перо и чернила,—пишетъ Платонъ отъ 2 мая 1809 года,—а кажется чистый духъ твой писалъ письмо, тобою мнѣ присланное... Твое посредничество за Ф.(иларета) много имѣеть предо мною силы. Посему какъ его, такъ твоя любовь никогда не выйдетъ изъ моей памяти. Прощай, мой другъ“. 4) И дѣйствительно, память о Филаретѣ никогда не изглаживалась въ сердцѣ Платона. Въ письмахъ къ Евгенію, пора-

1) Дневникъ Евгенія Казаицева, стр. 52, 53.

2) Шесть писемъ къ Евгенію за 1809 годъ помѣщены въ изданіи: „Матеріалы для исторіи русской Церкви. Къ біографіи архіепископа Евгенія Казаицева. Письмо 1-е отъ 15 марта 1809 г. Стр. 4.

3) Тамъ же, письмо 2-е отъ 6 апрѣля 1809 г., стр. 5.

4) Тамъ же, письмо 3-е, стр. 6.

якоющихъ словами чисто отеческой любви...—„Я увѣренъ, что гдѣ ты ни будешь, никогда и изъ моей и изъ твоей памяти я не изглажусь. Молюсь душевно, да совершить счастливо путь твоей жизни и твоихъ занятій. Далеко ты отъ насъ разстояніемъ мѣста, но весьма близокъ ко мнѣ твоею любовію“...—Платонъ непременно приписываетъ Филарету пожеланіе здоровья или „душевную благодарность“ за письма послѣдняго ¹⁾. Умирая, Платонъ высказалъ Евгенію желаніе, чтобы Филаретъ, проповѣдническій талантъ котораго онъ съ любовію привѣтствовалъ и воспиталъ какъ „отличнѣйшій“ ²⁾, сказалъ надъ его останками надгробное слово дружеской любви, подобно Григорію Богослову надъ гробомъ своего друга—Василія Великаго. Филаретъ въ отвѣтъ на письмо Евгенія, написавъ ему нѣсколько словъ въ похвалу Платона, отклонилъ отъ себя этотъ завѣтъ публичнаго выраженія своей несомнѣнно глубокой цѣложизненной любви и благодарности къ своему великому учителю: „подлинно онъ былъ Василій великій, но я не Григорій“—отвѣтилъ Филаретъ ³⁾. Говоря такъ, Филаретъ намекалъ не на свойства лишь своего проповѣдническаго таланта. Дѣйствительно, вообще суровая душа Филарета не была нѣжною, всегда готовою излиться предъ другими душой Григорія, это—скорѣе душа Василія, но сердце самаго Платона, съ его идеаломъ *нравственной правды, творимой въ дружбѣ, и дружбы, творимой въ правдѣ и правдой* было поистиннѣ сердцемъ Григорія. Съ этимъ то сердцемъ онъ выступаетъ на жизненномъ поприщѣ и всюду и вездѣ вноситъ чарующую атмосферу дружественной искренности, общительности, гуманности.

В. Виноградовъ.
(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Тамъ же, письмо 5 и 6 отъ 23 ноября и 28 декабря.

²⁾ Объ отношеніи м. Платона къ проповѣдническому таланту Филарета см. Корсунскаго „Проповѣдническая дѣятельность В. М. Дроздова (впослѣдствіи—Филарета, митр. Московскаго) 1803—1808 гг. Вѣра и Разумъ 1884 г. т. I ч. I (отдѣлъ церковный) стр. 286—305; 362—401. Подробности объ отношеніяхъ Платона къ Филарету во время пребыванія послѣдняго въ Троицкой Лаврской семинаріи см. въ книгѣ прот. А. Смирнова „Дѣтство, Отрочество и Юность, годы ученія и учительства въ Троицкой Лаврской семинаріи митрополита Филарета“ стр. 50—71.

³⁾ Дневникъ Евгенія Казанцева, стр. 56.